

Небо надежды / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Небо надежды / рассказ НЕБО НАДЕЖДЫ

Селёдка любила смотреть на небо. Оно такое разное ведь. Утром молочно-белое, с алыми полосками рассвета, ближе к полудню, если нет дождя, бледно-голубое с золотистыми крапинками солнца, вечером – рыжеватое, матово-серое, запылённое дневными заботами.

Селёдка часто забиралась под куст сирени во дворе. Там из земли выглядывал маленький пенёк от яблони да, привалившись к нему, словно дряхлая старушка, стояла будка дворовой собаки. Селёдка устраивалась на пенёке и замирала – смотрела на небо. Все свои тайны, слёзы и радость она доверяла ему.

Тринадцать лет назад родилась девочка. Родители от неё отказались. Младенца приютила двоюродная тётка по имени Валентина, пожилая старая дева с вечно поджатыми губами.

Через два года выяснилось, что у ребёнка неизлечимая болезнь. Валентина поплакала и дальше стала жить. С девочкой. Малышка росла. Вымахала некрасивая: тощая, с большой головой и круглыми навывкате глазами. Рыжая шевелюра, единственное Селёдкино девичье богатство, скрадывала её некрасивость. Когда девчонка шла по улице, ноги её странно подрагивали, подволакивались. Всё тело при этом беззащитно трепетало. Ребята во дворе прозвали её Селёдкой. Потом и взрослые подтянулись: Селёдка да Селёдка. Казалось, настоящее имя своё девочка забыла, может, и помнила, да это уже было не важно.

Соседские ребята частенько срывали на ней гнев и раздражение. Бить не били. Руками. Но словом вмажут. Больно на душе. Взрослые помягче, добрее иногда заступались, но чаще быстро проходили мимо, шмыгали в подъезд. Равнодушные считали, что это детские игры.

Селёдка терпела. Представляла себя Юшкой*. Как-то прочитала этот рассказ и решила жить, как Ефим: на людей не обижаться, помогать слабым. Остатками еды из дома подкармливала Жучку,

бездомную собаку, живущую возле сиреневого куста. Жучка была единственным другом Селёдки. Кроме неба.

Летом им было хорошо: тепло и спокойно. За густой сиренью прятались от посторонних глаз. Садились рядом. Девчонка шёпотом читала всякие книжки, Жучка слушала. Поздно вечером вместе смотрели на звёзды, представляли, кто живёт на них: великаны или карлики. Но обязательно добрые!

Осенью и зимой, когда наступали холода и на землю сердито валил мокрый снег, под кустом не насидишься. В такие дни Селёдка приходила покормить Жучку да проверить, не натекла ли в будку вода. Девочка и собака удивлялись хмурому настроению неба. С чего бы ему сердиться? Никто его не обзывает ведь?

Санька, крепко сбитый малорослый паренёк, ровесник Селёдки, хотел наладить дружбу с девчонкой – от неё исходили тепло и спокойная грусть, она напоминала ему маму, когда та была в себе. Родителей Саньки давно никто не помнил трезвыми. Мальчишка рос озлобленным и одиноким. Но людям было всё равно, что происходит на Санькиной половине квартиры, когда он закрывал за собой двери.

Дружить с Санькой было трудно: обида на непутёвых родителей и одновременно сильная к ним любовь делали мальчишку нелюдимым. В напряжённых матово-серых глазах его виделась готовность защитить от соседских нападок отца и мать и одновременно обвинить их в своей одинокой жизни.

Санька и тянулся к Селёдке, и обижался на неё: почему не признаёт в нём своего? А Селёдка, чувствуя душевную Санькину хрупкость, понимая и жалея его, все же боялась, что ошибётся в нём, что он, как и другие, оскорбит. Увидев мальчишку, осторожно переходила на другую сторону улицы, прячась за углами домов, за деревьями.

После таких встреч Санька приходил домой насупленный. Под пьяный родительский храп раздражённо искал, что поесть. Большими кусками глотал варёную картошку, оставленную ему соседкой по коммуналке бабой Катей, слушая её бормотание за стеной:

– Но, Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя.

Была у мальчишки отдушина, тайна. На другом берегу, где мелела

река, он строил из песка разные фигуры, всё больше затейливые замки с воротами и башенками. Миниатюрные ворота и причудливые башенки выглядели, как настоящие. На каждой детали – свой узор. С поздней весны до первых осенних заморозков Санька пропадал за рекой целыми днями, выдумывал новые архитектурные сооружения, подправлял старые. Мальчик чувствовал себя там спокойно, оттаивал душой. Он хотел рассказать Селёдке о своей тайне, показать чудеса, которые делал своими руками, да не решался.

Но девочка знала об этих чудесах. Часто приходила смотреть, как Санька строит свой сказочный город. Пряталась за берёзами любовалась маленькими замками.

Как-то она пришла с собакой, да не уследила за ней, и Жучка забежала в Санькино царство. Весёлая, неслась по башенкам, не замечая их. Селёдка от неожиданности ахнула, хотела позвать собаку, но стало стыдно, что не удержала Жучку. И как Саньке признаться, что подглядывала? Таясь за деревьями, поспешила уйти, спрятаться дома.

– Эй! Эй! – Санька резко крикнул, хлестнув собаку веткой. Та отскочила, отдышалась от быстрого бега, приглядываясь к обидчику. Надрывно залаяла, защищаясь. Рассерженный, Санька крикнул громче и бросил в Жучку камень. Чувствуя боль, она заскулила, на миг замерла, мотнула большой головой, помчалась прочь.

Разрушенный сказочный город предстал перед его создателем. Смятые собачьими лапами стены, упавшие в траву башенки, сломанные ворота с неповторимыми узорами – вот, что видел Санька. Мечта завоевать доверие странной молчаливой девочки рассыпалась вместе с песчаными стенами замка. Удручённый, Санька сел на землю. Как быть теперь?

В середине лета Жучка ощенилась, принесла уморительного пухлого детёныша. Тщательно вылизывала его, кормила. От будки отходила редко.

Однажды мимо куста проходил Санька. Собака зарычала: сейчас она защищала щенка. Мальчишка замахнулся, хотел уже крикнуть на ненавистную собаку, но Жучка стремительно прыгнула и вцепилась мальчишке в руку, чуть ниже локтя. Миг – её уже не

было рядом.

Боль оказалась настолько сильной, что Санька не произнёс ни звука, упал на землю. Несколько минут он лежал, сжав зубы, и молча плакал. Здоровой рукой кое-как стянул футболку, обмотал ею рану, встал, медленно побрёл к Бабе Кате, которая работала в травмпункте медсестрой.

В маленькой перевязочной Баба Катя, громко вздыхая и ругая Саньку, обработала ему рану, закончив весь процесс звонким подзатыльником:

– Что же тебе собака эта покоя не даёт?

– Она бешеная, – Санька поморщился.

– Никакая не бешеная. Умная, вот и наказывает таких охламонов, как ты, – Баба Катя проверила повязку. – Иди домой, молока выпей, поешь, я скоро.

– Она всё равно бешеная, – выкрикнул мальчишка и хлопнул дверью.

Дома Санька взял в кладовке бабы Кати отраву. Начинив ею котлеты, пошёл к сиреневому кусту. У будки было тихо. Саньке вдруг стало страшно. Спотыкаясь о выступающие из земли корни, он подошёл ближе, непослушными руками выронил котлеты в траву. – Просто уронил. Нечаянно уронил, – думалось Саньке. Он зачем-то посмотрел вверх, на небо. Окаменел. Сердце стучало где-то в горле.

Ничего не видя вокруг, Санька добрался до дома, в комнате сел на стул. Замер. Тишина. Лишь за стеной привычный шёпот бабы Кати:

– ...Не ведаю, Госпожа Пречистая, что ненавижу, то люблю, а благое преступаю!

Тягучая вина ледяными крыльями обняла Саньку, да так, что не осталось сил дышать, сказать что-то. В голове метались мысли: «Может, она не съест? А кто тогда съест? Может, никто. Нет, съест. Надо. Котлеты. Забрать». Санька резко вскочил, стул отлетел в угол комнаты. Мальчишка бросился на улицу.

В тот день Селёдка припасла для Жучки кусок капустного пирога и косточки из супа. Завернув всё в салфетку, пошла к собаке. Выйдя из дома, она увидела у куста толпу: что-то случилось. Больные ноги не давали Селёдке бежать, но она как могла быстро

добралась до толпы. Недалеко от будки, высунув ярко-розовый язык, лежала мёртвая Жучка. Санька стоял напротив, глотая слёзы.

Селёдка почувствовала вдруг, как задыхается, как волна боли подступает к подбородку, к глазам. Пирог и косточки выпали из рук. Она вздрогнула, пискнула, развернулась и побежала-поковыляла прочь от этого злого места, через дорогу, к реке. Сквозь слёзы Селёдка увидела лежавший на земле длинный ржавый гвоздь, зачем-то подняла его, побежала-поковыляла дальше. Опомившись, соседские мужики ринулись за девчонкой, а впереди них бежал Санька, хотел крикнуть что-то, но не мог.

Селёдка внезапно остановилась, развернулась. Санька едва не налетел на неё. Девчонка отступила, рывком задрала рукав кофты и воткнула ржавый гвоздь себе в руку. Выдернула. И ещё. И ещё. Тонкая бордовая струйка потекла сначала по запястью, а потом тяжёлые капли часто-часто закапали на землю.

– Надька! Дура! Дай! – Санька подскочил к Селёдке, хотел выхватить гвоздь, но та отвела руку. Тогда он показал девчонке свою рану. Она посмотрела на Саньку молча и строго. Не выдержав её взгляда, мальчик бросился прочь.

Санька убежал на другой берег. Долго стоял у реки, смотрел на деревья, отражавшиеся в мутной коричневой воде. Ему казалось, что нет такой силы, которая могла бы спасти его от огромного одиночества. От странного нового чувства, которое испытывал сейчас Санька, но не мог назвать его. Это было отчаяние.

Поднимался ветер, тонкими ладонями бередил ветви деревьев, гладил высокую траву. За шумом ветра Санька слышал чьё-то движение, обернулся. У берёз с забинтованной рукой стояла Селёдка, держала какой-то свёрток. Молчаливый разговор их длился несколько мгновений, потом Селёдка подошла ближе и положила свёрток на землю. Он шевелился, словно живой. Из тонкого покрывала появились два мохнатых коричневых уха, маленькая морда и две широкие лапы. Наконец щенок вылез из свёртка целиком. Повизгивая, нюхая ветер, он неуклюже подполз

к Санькиным ботинкам, схватил шнурок, заурчал. Мальчишка повалился на траву и заревел в голос. Этот щенок, воспоминания о мёртвой Жучке терзали Санькину душу. Он рыдал неистово, точно хотел, чтобы с криком и слезами вышла вся грязь, вся мерзость, которые копились до этого времени в душе его. Селёдка села на землю рядом с ним. Сквозь матово-рыжие всполохи вечерней зари смотрело на детей высокое небо.

*Рассказ А.П.Платонова «Юшка»

Об авторе: ЮЛИЯ ИВАНОВА

Родилась 16 июля 1973 года в городе Порхове Псковской области. В 1996 году окончила филологический факультет Псковского государственного педагогического института (ныне ПсковГУ), в 2005 году – специальный факультет Санкт-Петербургского Университета МВД. Работала учителем русского языка и литературы в Псковской классической гимназии, состояла на государственной гражданской службе. Пишет рассказы, зарисовки. Нигде до настоящего времени не публиковалась. Neкаýalar